

СОЮЗ 2030

СССР В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АНДРЕЕВ

Дмитрий Андреев

Союз 2030

«Автор»

2026

Андреев Д.

Союз 2030 / Д. Андреев — «Автор», 2026

2030 год. Советский Союз не распался — он совершил прорыв, о котором раньше только мечтали. Москва сияет чистыми проспектами, бесшумные «Москвичи» скользят мимо кремлёвских стен, а в столовых всё так же пахнет борщом и свежим хлебом. Инженер Алексей Снегирёв проектирует города будущего и не знает, что такое ипотека или безработица. Но когда ему доверяют построить новый город на краю земли — там, где вулканы дышат в океан, — он понимает: это не просто работа. Это вызов, который определит судьбу целой страны. Той страны, которой у нас когда-то не случилось. Но которая могла бы быть.

© Андреев Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. УВЕРТЮРА НОВОГО ДНЯ	5
ГЛАВА 2. ШАГИ ПО ГОРОДУ-САДУ	9
ГЛАВА 3. ИНЖЕНЕРНАЯ ПОЭЗИЯ	13
ГЛАВА 4. ХЛЕБ ДА КВАС	18
ГЛАВА 5. СВЯЗЬ ВРЕМЁН	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Союз 2030

ГЛАВА 1. УВЕРТЮРА НОВОГО ДНЯ

Москва, Проспект Мира, 6:47 утра, июнь 2030 года

Солнце ещё не добралось до окон шестого этажа, но небо уже налилось перламутром. В приоткрытую форточку тянуло утренней прохладой — той самой, московской, с лёгкой влажностью от недавно политых дворниками тротуаров и едва уловимым запахом цветущих лип с бульвара. Форточка была старой, деревянной, с облупившейся по краям краской — единственное, что осталось в квартире от прежних времён, и Алексей Николаевич Снегирёв принципиально не давал заменить её на современный стеклопакет с микропроветриванием. В этой форточке жила память детства.

Будильник на прикроватном столике — прямоугольный корпус из матового пластика, производство Минского радиозавода, марка «Луч-Цифра» — мягко, но настойчиво загудел в назначенный час. Не резкий звон, не навязчивая мелодия, а именно гул — низкий, вибрирующий, имитирующий звук заводского гудка, только тихий, домашний. Алексей протянул руку и коснулся сенсорной панели на верхней грани. Гул смолк.

Он сел на кровати, привычным движением нащупал тапочки — простые, матерчатые, с твёрдой подошвой, — и потянулся. Позвоночник привычно хрустнул где-то в пояснице. Тридцать четыре года — ещё не возраст, но сидячая работа за кульманом, пусть теперь и электронным, давала о себе знать.

Справа от него, уткнувшись в подушку, спала жена. Елена даже не пошевелилась — её смена в Первой градской больнице начиналась только с обеда, и она имела полное право на утренний сон. Тёмные волосы разметались по наволочке, дыхание ровное, спокойное. Алексей на мгновение задержал на ней взгляд, улыбнулся и тихо, стараясь не скрипеть половицами, вышел из спальни.

В коридоре его встретил приглушённый свет ночника. Квартира была трёхкомнатной, просторной, в доме постройки 1953 года, прошедшем капитальный ремонт шесть лет назад. Стены толстые, потолки высокие — лепнина, правда, не сохранилась, но розетку для люстры восстановили по архивным фотографиям. На стене, рядом с дверью в ванную, висел плоский, почти незаметный в выключенном состоянии дисплей — «Советский электронный календарь», модель «Хронос-7», собранный в Зеленограде. Сейчас он мягко светился тёплым янтарём, показывая время, дату, день недели и краткую сводку погоды: «Москва, 2 августа 2030 года, суббота. Днём +24°C, переменная облачность, без осадков. Ветер западный, 3 м/с».

Ниже бежала строка новостей — без картинок, без кричащих заголовков, просто текст: «Завершён монтаж опор нового мостового перехода через Обь в районе Сургута. Коллектив Мостоотряда-89 рапортовал о досрочном выполнении плана. Госкомиссия приняла работу с оценкой „отлично“».

Алексей мельком глянул на экран, кивнул каким-то своим мыслям и прошёл на кухню.

Кухня была его царством. Точнее — их общим с Еленой, но утренние часы принадлежали ему безраздельно. Помещение метров двенадцать, не самое большое по нынешним меркам, но грамотно спланированное. Встроенная мебель Зеленодольского мебельного комбината — светлое дерево, чистые линии, ничего лишнего. Автоматическая кофе-машина «Юность» занимала своё законное место в углу у окна. Аппарат был отечественный, разработанный в НИИ бытовой техники имени Гагарина и серийно выпускаемый на заводе «Красный пролета-

рий». Никаких капсул, никаких одноразовых расходников — съёмный резервуар для зёрен, встроенная кофемолка с керамическими жерновами, система самоочистки.

Алексей засыпал зёрна — бразильская арабика, экспорт из дружественной Федеративной Республики Бразилия, члена Совета Экономической Взаимопомощи с 2022 года. Упаковка с маркировкой ГОСТ и знаком качества. Нажал кнопку. Машина тихо загудела, внутри что-то зашуршало, заскрежетало — перемалывались зёрна, — и через минуту кухня наполнилась тем самым запахом, ради которого, как шутил Алексей, и стоит просыпаться по утрам. Густой, насыщенный, с лёгкой горчинкой аромат свежесваренного кофе поплыл по квартире, смешиваясь с уличной прохладой из форточки.

Он достал с полки любимую чашку — фарфоровую, Ленинградского фарфорового завода, с синим кобальтовым узором по белому. Ему её подарили на десятилетие свадьбы. Подставил под носик кофе-машины, дождался, пока наберётся полная порция. Сделал первый глоток — обжигающе-горячий, крепкий, именно такой, как он любил.

В комнате сына послышалось какое-то шевеление. Дверь приоткрылась, и на кухню выглянул заспанный Павел — четырнадцать лет, долговязый, с вечно торчащими в разные стороны волосами, в мятой футболке с эмблемой юношеской космической программы «Восход».

— Доброе утро, па.

— Доброе, конструктор. Садись завтракать.

Паша прошлёпал босыми ногами к столу, сел на табурет, поджав одну ногу под себя — привычка, с которой боролись всей семьёй, но безуспешно. На столе уже стояла тарелка с нарезанным чёрным хлебом — тем самым, кирпичиком, с хрустящей корочкой, который Алексей купил вчера вечером в булочной за углом. Масло в маслёнке — вологодское, с характерным жёлтым оттенком и запахом сливок. Сыр — «Российский», нарезка в вакуумной упаковке, Можайский молочный комбинат. И варенье — клубничное, Елена в прошлом году сама варила.

— Чем вчера занимался допоздна? — Алексей придвинул сыну кружку с какао, вспененным тут же, на паровом кране кофе-машины.

— Проект по космобиологии доделывал, — Павел с готовностью схватился за бутерброд. — Зарина Сергеевна сказала, у кого лучшая работа будет, того в Звёздный городок на экскурсию отправят. На целый день!

— Серьёзный стимул, — Алексей усмехнулся в усы. — И что ты там начертил?

— Модель замкнутой экосистемы для марсианского модуля. На планшете рисовал, на «Электроне». Хочешь, покажу?

— Сначала доешь. И умойся, между прочим.

Павел фыркнул, но послушно принялся за какао. За окном уже вовсю разгорался день. Слышно было, как по проспекту с мягким шорохом прокатился первый трамвай, как зачирикали воробьи на карнизе, как где-то далеко, в районе Рижского вокзала, прогудел электровоз. Москва просыпалась, привычно и уверенно, как просыпалась каждое утро — большое, живое, дышащее существо, в котором Алексей Снегирёв чувствовал себя нужной, важной, пусть и крошечной, деталью.

Он допил кофе, глядя на пробегающие по потолку солнечные зайчики от проезжающих машин, и подумал, что день обещает быть хорошим. Суббота. Выходной. Сегодня они с Пашей и Еленой планировали поехать на ВДНХ — там открылась новая экспозиция в павильоне «Умный город», и Алексей, как один из инженеров-проектировщиков, работавших над системой городской навигации для нового района в Чертаново, имел к этой экспозиции самое прямое отношение.

— Ладно, конструктор, — он поставил чашку в мойку, ополоснул холодной водой. — Даю тебе полчаса на водные процедуры и сборы. И чтобы без опозданий.

— Есть, товарищ главный инженер! — Павел шутиливо отдал честь, схватил со стола последний кусок хлеба с вареньем и скрылся в коридоре, едва не поскользнувшись на линолеуме.

Алексей проводил его взглядом, покачал головой и потянулся за сигаретой — старой, почти забытой привычкой, от которой он так и не смог избавиться окончательно. Вышел на балкон.

Балкон был застеклён — новый профиль, алюминиевый, лёгкий, — и с него открывался вид на внутренний двор. Внизу, под старыми тополями, уже возился дворник дядя Саша, пожилой татарин с пышными усами, который работал на этом участке лет тридцать, если не больше. Он методично подметал асфальт широкой берёзовой метлой, и этот звук — шурх-шурх — был таким же привычным и успокаивающим, как стук колёс или утренний кофе.

Во дворе, у новой зарядной станции, стояли три машины. Два «Москвича» — модель 620, с плавными, каплевидными обводами кузова, в цветах «белая ночь» и «балтийский синий», — и одна «Волга-Универсал», серебристая, вместительная, явно семейная. Все три тихо гудели, подзаряжаясь от станции. Никаких выхлопных газов, никакого рёва двигателей — только едва слышное гудение трансформатора.

Алексей докурил, затушил окурок в жестяной банке из-под чая «Краснодарский», приспособленной под пепельницу, и вернулся в квартиру. В ванной уже шумела вода — Павел, судя по звукам, пытался одновременно чистить зубы и напевать что-то из репертуара «Машины времени». Вечная классика.

Он прошёл в спальню одеваться. Елена уже не спала — лежала, подперев голову рукой, и смотрела на него с той особенной, понимающей улыбкой, которая за пятнадцать лет брака стала для Алексея дороже любых слов.

— Программа на сегодня? — спросила она тихо.

— ВДНХ, как договаривались. А вечером — может, в кино? В «Космосе» новый фильм идёт, «Экипаж-2030», я читал в «Советском экране», хвалят.

— Хвалят, — Елена потянулась, как кошка. — Тогда я до обеда по магазинам, а после обеда встречаемся здесь.

— Договорились.

Алексей наклонился, поцеловал жену в висок — пахло от неё лавандой и сном, — и пошёл собираться. Сегодняшний день обещал быть долгим, интересным, наполненным тем особенным ощущением выходного простора, которое знакомо каждому, кто честно отработал трудовую неделю и теперь с чистой совестью может посвятить время семье и себе.

ГЛАВА 2. ШАГИ ПО ГОРОДУ-САДУ

Трамвай подошёл ровно по расписанию — в 9:12, минута в минуту. Это был «Витязь-М», полностью отечественная разработка КБ имени Устинова, запущенная в серию на Усть-Катавском вагоностроительном заводе три года назад. Низкопольный, просторный, с панорамными окнами, тонированными под цвет голубоватого летнего неба. Внутри пахло озонаторами и чем-то ещё, трудноуловимым — может быть, пластиком новых кресел, а может, той особой чистотой, которая бывает только в общественном транспорте, который уважают.

Алексей и Павел зашли через переднюю дверь. Алексей приложил запястье к считывающей панели — браслет «Сириус», чёрный, из прорезиненного гипоаллергенного материала, пискнул, подтверждая оплату. Два билета, взрослый и детский. Турникет внутри трамвая — не громоздкая конструкция, а изящная стойка с мягко светящимся зелёным кольцом — пропустил их без задержки.

— Пап, а давай на заднюю площадку? — Павел уже тянул его за рукав.

— Давай.

Они прошли в конец вагона. Народу было немного — субботнее утро, кто-то на рынок, кто-то в парк, молодой человек в наушниках читал что-то с планшета, девушка в косынке везла корзинку с клубникой, пожилая пара о чём-то тихо переговаривалась. Трамвай мягко, почти беззвучно тронулся, и за окном поплыл Проспект Мира — широкий, зелёный, с новыми домами, органично вписанными в довоенную застройку.

Алексей смотрел в окно и привычным, почти профессиональным взглядом отмечал детали городской инфраструктуры. Вот реконструированный подземный переход с пандусами и тактильной плиткой для незрячих. Вот остановка общественного транспорта нового типа — с навесом, защищающим от дождя и солнца, с электронным табло прибытия и кнопкой вызова социальной службы. Вот автоматический киоск «Союзпечати» — через стекло видно ряды газет и журналов. «Правда», «Известия», «Труд», «Комсомольская правда», «Наука и жизнь», «Техника — молодёжи». Всё знакомое, родное, и в то же время — оформленное современно, с чистыми линиями и приятной глазу вёрсткой.

А вот — уличный автомат с газированной водой. Алексей невольно улыбнулся. Автомат был новым, модели «Ессентуки-Автомат-2030», но дизайн бережно отсылал к тем самым, легендарным агрегатам из его детства. Только теперь вместо гранёного стакана общего пользования — отсек с аккуратными бумажными стаканчиками из плотного картона, пропитанного специальным составом, который разлагался в почве за три месяца. И вода — «Байкал», «Тархун», «Саяны», «Крем-сода», «Лимонад» — на выбор, в зависимости от нажатой кнопки.

— Пап, газировки хотим? — Павел проследил за его взглядом.

— На обратном пути. Сейчас — без остановок.

Трамвай свернул на Садовое кольцо. Здесь движение было плотнее — всё-таки суббота, люди выбирались в центр. «Москвичи» всех моделей и расцветок, «Волги», редкие «ЗИЛы» представительского класса, автобусы «ЛиАЗ-Электро», грузовики «КАМАЗ» нового поколения — бесшумные, на водородных элементах. На тротуарах — москвичи и гости столицы, много молодёжи, семьи с колясками, туристы с фотоаппаратами «Зенит-Цифра».

Мелькнула Рижская эстакада — та самая, над которой год назад закончили монтаж новой шумоизоляционной галереи из прозрачного композитного материала. Алексей помнил этот проект — их институт, ГИПИ, как раз делал расчёты ветровых нагрузок. Приятно было видеть результат своей работы, воплощённый в металле и стекле.

— Смотри, пап, — Павел показал куда-то вверх и вправо.

Над крышами, в ясном июньском небе, медленно и величественно проплывал дирижабль. Не рекламный, не туристический — грузовой, модели «Атлант-М», с эмблемой Министерства по чрезвычайным ситуациям на борту. Такие использовали для доставки крупногабаритных конструкций в труднодоступные районы, а также для мониторинга лесных пожаров. Дирижабль плыл бесшумно, его серебристая сигара поблёскивала на солнце, и на мгновение весь вагон притих, провожая его взглядами.

— На Останкино идёт, — заметил кто-то из пассажиров.

— Не, на Королёв, наверное, — возразил другой.

Трамвай тем временем подкатил к остановке «ВДНХ». Электронный голос — приятный женский баритон — объявил название, и двери с мягким шипением раскрылись.

Они вышли на тротуар, и Алексей глубоко вдохнул. Воздух здесь был другим — не таким, как в центре. Более свежим, что ли. Сказывалась близость огромного парка, Ботанического сада, Шереметьевской дубравы. Пахло скошенной травой и нагретым асфальтом, и ещё — откуда-то со стороны главного входа — жареными орешками и сладкой ватой.

— Ну что, вперёд, к достижениям? — Алексей подмигнул сыну.

— Вперёд! — Павел уже рванул к арке Главного входа.

Они вошли на территорию Выставки. Арка Главного входа — та самая, легендарная, с горельефом «Тракторист и колхозница», держащими сноп пшеницы, — сияла свежей позолотой. Её реставрировали долго, почти два года, но результат того стоил. За аркой открывалась перспектива Центральной аллеи — широкой, залитой солнцем, с цветниками невероятной красоты. Тюльпаны уже отцвели, но на смену им пришли пионы и розы всех мыслимых оттенков.

Справа и слева от аллеи стояли павильоны. Каждый — произведение архитектурного искусства, и каждый — действующий. В павильоне «Народное образование» проходила интерактивная выставка для школьников. В павильоне «Космос» — постоянная экспозиция, посвящённая освоению Солнечной системы, с огромным, в натуральную величину, макетом нового многоразового корабля «Заря-М», висящим под потолком. В павильоне «Атомная энергия» действовал учебный ядерный реактор, и вокруг него, как всегда, толпились экскурсионные группы.

— Давай сначала в «Умный город»? — предложил Павел. — Я хочу посмотреть, как работает система навигации, про которую ты рассказывал.

— Давай. Только без фанатизма. Помни — впереди целый день.

Они свернули направо, миновали фонтан «Дружба народов» — золотые снопы и статуи девушек в национальных костюмах, олицетворяющих республики Советского Союза, — и направились к новому, построенному всего два года назад павильону «Умный город». Здание было решено в футуристичном, но сдержанном стиле — стекло, бетон, зелёные террасы на крыше. У входа висела афиша: «Город, в котором мы живём. Интерактивная экспозиция. Ежедневно с 10:00 до 21:00. Вход свободный».

Внутри было прохладно и просторно. Звуки шагов тонули в специальном напольном покрытии. Первое, что видел посетитель — огромный, во всю стену, экран, на котором в реальном времени транслировалась карта Москвы. Разноцветными линиями были обозначены транспортные потоки — зелёным свободные маршруты, жёлтым — умеренно загруженные, красным — перегруженные участки, где требовалась корректировка сигналов светофоров. Система работала в автоматическом режиме, управляемая вычислительным центром «Эльбрус-32С», установленным где-то в подвалах Останкинской телебашни.

— Смотри, пап, вот наше Чертаново! — Павел ткнул пальцем в южный сектор карты. — И правда, всё зелёное! Работает твоя система!

— Наша система, — поправил Алексей, и внутри у него разлилось тепло профессиональной гордости. — Мы её всем отделом три года делали.

У карты стоял экскурсовод — молодой человек в синем кителе с эмблемой ВДНХ, — и что-то увлечённо рассказывал группе посетителей. Алексей прислушался:

— ...и, товарищи, обратите внимание: показатель средней скорости движения в часы пик в Москве сейчас составляет 42 километра в час. Для сравнения, в 2010 году этот показатель не превышал 18 километров. Вот что значит грамотное планирование и внедрение интеллектуальных систем управления трафиком, разработанных нашими, отечественными специалистами.

Группа одобрительно загудела. Алексей поймал взгляд экскурсовода и едва заметно кивнул — мол, спасибо, приятно.

Дальше шли стенды, посвящённые разным аспектам городской жизни. «Умный дом» — система управления квартирой, которая позволяла контролировать освещение, отопление, расход воды и электроэнергии, не вставая с дивана. Базовая версия этой системы стояла и в их квартире — без излишеств, но удобно: температура, счётчики, домофон.

«Единый оператор связи» — стенд с демонстрацией работы суверенной сети «Сфера-6G», обеспечивающей покрытие всей территории СССР, включая самые отдалённые районы. Рядом — образцы оборудования: базовые станции, роутеры, абонентские терминалы. Всё — отечественного производства.

«Городская ферма» — вертикальные теплицы, в которых круглый год выращивали зелень и овощи для столовых и ресторанов столицы. Рядом — дегустационный столик, где можно было попробовать свежий салат и помидоры черри.

Павел, конечно, застрял у стенда «Школа будущего». Там был развёрнут целый класс — с интерактивными партами, которые сами подстраивались под рост ученика, с голографической доской, на которой можно было в объёме рассмотреть строение атома или историческую

битву, с учебными планшетами «Электрон-К12» — такими же, как у него дома. Учительница — живая, настоящая, прикомандированная к экспозиции от Министерства просвещения, — показывала желающим, как работает система.

— А вы знаете, что наши учебные планшеты работают на отечественной операционной системе «Феникс»? — спрашивала она у окруживших её школьников. — Это полностью суверенная разработка, защищённая от любых внешних угроз. И все учебные программы, все приложения — всё сделано здесь, в Союзе.

Павел слушал с горящими глазами. Алексей не стал его торопить — пусть погружается. Сам он отошёл к окну и стал смотреть на Выставку с высоты второго этажа. Внизу текла размеренная, счастливая толпа. Молодые родители везли коляски. Пенсионеры чинно прогуливались по аллеям, присаживаясь на лавочки. Студенты что-то живо обсуждали, размахивая планшетами. У фонтана «Каменный цветок» фотографировалась делегация в национальных костюмах — кажется, из Туркменистана.

Вот она, Москва. Вот она, страна. Живая, дышащая, устремлённая в будущее, но бережно хранящая своё прошлое. ВДНХ была идеальным воплощением этой двойственности — древние павильоны сталинского ампира и новейшие технологии под одной крышей, в одном пространстве, без противоречия, без конфликта. Просто потому, что и то, и другое было частью одной большой, единой истории.

Алексей отвлёкся от созерцания и заметил у окна автомат с газировкой — тот самый, новый, но с ретро-дизайном. Решил, что момент для обещанного лимонада настал. Купил два стакана «Саян» — себе и Павлу. Вкус был точь-в-точь как в детстве: кисло-сладкий, с лёгким привкусом лимонника, пузырьки щекотали язык. Ледяной, из охлаждающего отсека.

Павел подбежал, схватил свой стакан, сделал жадный глоток.

— Ну как?

— Ещё лучше, чем в автомате у дома! — выдохнул сын, отрываясь от стакана. — Пап, а можно мы ещё в «Космос» зайдём? Там, говорят, новый симулятор лунной базы поставили!

— Можно. Но сначала — обед.

— В столовую?

— А куда же ещё.

И они, оставив павильон «Умный город», направились в сторону знаменитой столовой № 1, что располагалась в отдельном здании за павильоном «Земледелие». День обещал быть долгим и полным впечатлений — как и положено хорошему, правильному выходному в Москве образца 2030 года.

ГЛАВА 3. ИНЖЕНЕРНАЯ ПОЭЗИЯ

Понедельник начался без раскочки. В 8:30 Алексей уже входил в проходную Государственного института перспективных инфраструктур — массивного здания на Сущёвском Валу, построенного в конце семидесятых и капитально модернизированного три года назад. Проходная была оборудована биометрическими турникетами — приложил браслет «Сириус», глянул в камеру, и зелёный огонёк приветливо мигнул: «Добро пожаловать, Снегирёв А. Н., отдел 17, проектный зал Горизонт».

Вестибюль встретил его привычным гулом. Сотрудники института — инженеры, проектировщики, архитекторы, системные аналитики — заполняли пространство, здоровались, обменивались новостями. На огромном настенном экране, висящем над лифтами, транслировалась сводка новостей: «Госплан сообщает о досрочном выполнении полугодового плана по вводу жилья. В эксплуатацию сдано 42 миллиона квадратных метров...»

Лифт поднял его на четвёртый этаж. Коридоры здесь были широкими, светлыми, с окнами во всю стену. На стенах — чертежи, схемы, фотографии с объектов. Вот бетонная плотина в Хакасии. Вот новый мост в Крыму. Вот транспортная развязка в Челябинске. Всё — работа ГИПИ.

Проектный зал «Горизонт» представлял собой огромное, залитое естественным светом помещение. Вместо традиционных кульманов — столы с интегрированными голографическими панелями «Гранит-СВ». Изображение проецировалось прямо над поверхностью стола — объёмное, цветное, с возможностью масштабирования и вращения. Рабочее место Алексея располагалось в углу, у окна, выходящего во внутренний двор института, где росли старые яблони.

Он включил систему, и над столом развернулась текущая модель: транспортная развязка «Южная» в Казани, пересечение трёх магистралей в разных уровнях, с вылетными эстакадами, пешеходными переходами, линией скоростного трамвая и подземным паркингом. Проект был сложный, ответственный, курируемый лично министром транспортного строительства. И Алексей вёл его в качестве главного инженера-проектировщика.

Рядом уже сидела его коллега и, можно сказать, ученица — Зарина Ахметова, двадцатитрёхлетняя выпускница Казанского инженерно-строительного института, комсомолка, активистка, талантливый архитектор. Она пришла в ГИПИ по распределению два года назад и с тех пор успела вырасти от простого чертёжника до младшего инженера.

— Доброе утро, Алексей Николаевич, — Зарина оторвалась от своей панели. — Я ночью доделала расчёт по нагрузкам на северную эстакаду. Можете посмотреть?

— Давай, выводы на общий.

Изображение над его столом дополнилось новым слоем — линии напряжений, цветовые карты распределения нагрузки. Алексей всмотрелся, приблизил проблемный узел — место стыковки эстакады с тоннельным порталом.

— Угол наклона здесь — шесть градусов? — уточнил он.

— По первоначальному проекту — да.

— А ты пробовала уменьшить до пяти? Смотри, если мы срежем вот этот угол, нагрузка на опору снизится процентов на пятнадцать.

Он несколькими движениями пальцев перестроил геометрию узла. Программа «Зенит-14» — суверенная САПР, гордость советского программирования, работающая на отечественной операционной системе «Феникс» — мгновенно пересчитала параметры. Действительно, пятнадцать процентов экономии.

Зарина прикусила губу, взгляделась в цифры, потом широко улыбнулась:

— И как я сама не догадалась! Ведь очевидно же...

— Очевидно, когда видишь, — философски заметил Алексей. — На то мы и инженеры, чтобы видеть неочевидное. Ладно, вноси правки в модель. К вечеру надо отправить в Казань на утверждение.

— Будет сделано.

В зал вошёл начальник отдела — Вадим Сергеевич Кораблёв, грузный, седой, с вечно расстёгнутой верхней пуговицей рубашки и невероятно громким голосом. Он был из старой гвардии, ещё заставшей кульманы и ватман, но современные технологии освоил досконально и управлял отделом твёрдой, но справедливой рукой.

— Товарищи инженеры! — его бас перекрыл гул систем охлаждения. — Внимание на минуту.

Все подняли головы.

— Сегодня в четырнадцать ноль-ноль — селекторное совещание с Главкомом по транспорту. Обсуждаем проект «Горизонт-Казань». Снегирёв, Ахметова — быть готовыми ответить на любые вопросы. Особенно по северной эстакаде.

— Всегда готовы, — негромко ответил Алексей, и несколько коллег прыснули в кулаки.

— Вот и славно, — Кораблёв погрозил пальцем и скрылся в своём кабинете.

Работа потекла своим чередом. Часы до обеда пролетели незаметно — Алексей и Зарина уточняли детали, перепроверяли расчёты, связывались по видеосвязи «Сфера» с коллегами из Казани, обсуждали вопросы логистики с представителями завода металлоконструкций из Нижнего Тагила. Голограмма над столом жила своей жизнью — вращалась, менялась, обростала новыми слоями и пометками.

Около двенадцати в дверь заглянул Петрович — старейший сотрудник отдела, электрик и настройщик оборудования, знавший все системы института как свои пять пальцев.

— Алексей Николаич, у вас тут кофе-пауза не планируется? У меня к вам вопрос по личному делу.

— Петрович, заходи. Зарина, сделаем перерыв?

— Я как раз хотела в столовую сбегать, пирожков взять, — девушка поднялась из-за стола. — Вам взять?

— Борщ, котлету и компот, — распорядился Алексей. — Я чуть позже подойду.

Когда Зарина вышла, Петрович присел на край стола, неловко кашлянул в кулак.

— Тут такое дело, Алексей Николаич. Вы же в жилищной комиссии заседаете?

— Ну, заседаю. А что?

— Сыну моему, Димке, квартиру одобрили. В новом доме, в Чертаново. А он боится, что район сырой, экология, то да сё. Вы же тот район проектировали — скажите честно, как там с просушкой грунтов?

Алексей усмехнулся. Вопрос был из разряда тех, которые он получал регулярно — всё-таки работа над городской инфраструктурой делала его в глазах коллег кем-то вроде хранителя тайных знаний о московских недрах.

— Скажу честно: район нормальный. Мы там четыре года гидрогеологию изучали. Дренажную систему закладывали с тройным запасом. У Димки полы скрипеть не будут, это я тебе гарантирую. А экология... сам понимаешь, новый район, промышленности нет, зелёные зоны по проекту — сорок процентов от общей площади. Чистый воздух, парки, пруды. Пусть не сомневается.

Петрович просиял:

— Ну, спасибо! Я ему так и передам. А то он мне плешь проел — «спроси у Снегирёва, спроси у Снегирёва»...

— Спросил — ответил. Пусть переезжает спокойно.

Петрович ушёл, а Алексей ещё раз глянул на голограмму. Что-то его беспокоило в южном секторе развязки. Что-то неуловимое, как неправильно взятая нота в симфонии. Он увеличил сектор, повернул, прищурился...

И нашёл. В месте примыкания пешеходного моста к эстакаде был неправильно задан радиус поворота. Не критично, но если не исправить сейчас, потом пришлось бы пересчитывать весь узел. Он быстро внёс правку, сохранил и откинулся в кресле. Теперь можно и пообедать.

В столовой было, как всегда, людно. Пахло борщом, жареным луком и свежей выпечкой. Алексей взял поднос, встал в очередь на раздачу. За прилавком колдовала тётя Галя — легендарная фигура институтского общепита, женщина с руками, знавшими все секреты советской кухни, и с таким выражением лица, будто она лично отвечала за продовольственную безопасность всего учреждения.

— Алексей Николаич, вам как обычно?

— Как обычно, тётя Галь. Борщ, котлету, пюре, компот.

— Компот сегодня из сухофруктов, свежий. И пирожки с капустой — рекомендую.

— Тогда два пирожка сверху.

Он сел за столик у окна, где уже сидела Зарина и с аппетитом уплетала салат из свежих овощей. Рядом пристроился Марат Ибрагимов, инженер-гидролог из отдела водоснабжения.

— Как ваш казанский проект? — спросил Марат, отламывая кусок хлеба.

— К вечеру отправляем на утверждение. Если повезёт — через месяц начнём рабочий проект.

— Быстро идёте. Мы вот с очистными в Магнитогорске второй год бьёмся.

— Так то очистные, — усмехнулся Алексей. — Там подводных камней больше, чем в Чёрном море.

Зарина слушала, кивала, но было видно, что мысли её всё ещё там, над голограммой. Алексей это понимал — сам когда-то был таким же, не мог отключиться от работы даже за обедом.

— Зарина, отвлечись, — сказал он тихо. — Пирожок съешь. Тётя Галя старалась.

Девушка улыбнулась, послушно взяла пирожок. Марат перевёл разговор на другую тему — начал рассказывать о новой «Волге», которую получил по программе поддержки молодых специалистов. Хвалил подвеску, хвалил эргономику, ругал расход энергии в зимний период. Разговор потёк легко, свободно, как бывает только между людьми, которые не просто коллеги, а часть одного большого дела.

После обеда началось селекторное совещание. Защищённый зал «Рубин» — небольшое помещение с экраном во всю стену и несколькими камерами. Кораблёв, Снегирёв, Ахметова и ещё двое специалистов из смежных отделов. На экране — представители Главка, заказчика и проектного института в Казани. Лица чёткие, звук без задержек — магистральная линия «Сфера» обеспечивала связь практически без потерь.

Докладывал Алексей. Спокойно, без лишних эмоций, но с той внутренней уверенностью, которая даётся только глубоким знанием предмета. Развязка, эстакады, подземный ярус, транспортные потоки. Ответил на вопросы — технические, экономические, экологические. Когда упомянул про решение с северной эстакадой, представитель заказчика одобрительно кивнул и сделал пометку.

— Хорошо, товарищи, — подвёл итог руководитель совещания. — Проект принимаем с незначительными замечаниями. Окончательное утверждение — в пятницу. До пятницы замечания устранить. Вопросы есть?

Вопросов не было.

В зале зажёгся свет, экран погас. Кораблёв подошёл к Алексею, хлопнул его по плечу тяжёлой ладонью:

— Молодцом, Снегирёв. Чисто сработал.

— Коллектив работал, — Алексей кивнул на Зарину и других коллег.

— Коллектив — да. Но голова у коллектива — твоя. Ладно, до пятницы управитесь. Идите, работайте.

Они вернулись в «Горизонт». До конца рабочего дня оставалось три часа. Зарина снова погрузилась в расчёты, Алексей правил финальную версию пояснительной записки. За окном солнце клонилось к закату, тени от яблонь во дворе становились длиннее.

В 18:00 система издала мелодичный сигнал — конец рабочего дня. Алексей выключил панель, потянулся, снял пиджак со спинки кресла.

— Зарина, не засиживайся допоздна. Завтра всё доделаем.

— Ещё полчасика, Алексей Николаич. Я только проверю один узел.

— Полчаса. Не больше. Приказ.

— Есть, товарищ главный инженер, — улыбнулась девушка.

Алексей вышел из института. На Сущёвском Валу было ещё по-летнему светло. Он постоял немного на крыльце, вдыхая тёплый, пахнувший бензином и липами воздух, и не спеша направился к трамвайной остановке. День удался. Хороший, продуктивный день в стране, где его труд был нужен, важен и оценён по достоинству.

Что может быть лучше?

ГЛАВА 4. ХЛЕБ ДА КВАС

Вторник начался с похода в булочную. Елена ушла на смену рано, Паша ещё спал — у него были летние каникулы, и режим сбился к чертям собачьим. Алексей, собираясь на работу, обнаружил, что хлеба в доме — ни крошки. А без свежего чёрного хлеба, как он считал, день не задастся с самого начала.

Поэтому, вместо того чтобы сразу ехать в институт, он свернул во двор, прошёл мимо знакомой зарядной станции с тремя «Москвичами», миновал детскую площадку, где уже возились в песочнице малыши под присмотром мам и бабушек, и вышел к небольшому двухэтажному зданию с вывеской «Булочная № 14».

Булочная была из старых, ещё с тех времён, когда в этот дом ходили за хлебом его родители. Но внутри её капитально обновили года четыре назад: поставили современные витрины-холодильники, автоматические кассы, новые хлебные шкафы с подсветкой. Однако запах — тот самый, ради которого и стоило приходить, — остался неизменным. Густой, тёплый, обволакивающий аромат свежееиспечённого хлеба, от которого сразу начинали течь слюнки.

За прилавком стояла знакомая продавщица, тётя Нина, женщина предпенсионного возраста в кружевном накрахмаленном переднике.

— Алексей Николаич, с добрым утром! Вам как обычно?

— Доброе, тёть Нин. Две буханки чёрного, батон нарезной и... — он задумался, глядя на витрину. — И плюшку московскую. Паше к завтраку.

— Сейчас, родной.

Она ловко, привычными движениями, достала хлеб из шкафа, завернула в бумагу — не в пластик, а именно в плотную, чуть шершавую бумагу с логотипом хлебозавода «Пролетарец». Алексей расплатился через браслет, взял тёплый, пахнущий свёрток и на мгновение замер, вдыхая аромат.

Этот запах был для него запахом детства. Вот так же пах хлеб, когда он, ещё мальчишкой, бегал в булочную на углу — только тогда булочная называлась по-другому, и хлеб стоил копейки, и в очереди стояли не с браслетами, а с авоськами. Но суть — суть осталась прежней.

— Спасибо, тёть Нин.

— Кушайте на здоровье. Матушке привет передавайте.

— Передам.

Он вышел на улицу и сразу заметил жёлтую бочку на углу. Квасная бочка — ещё один непременный атрибут московского лета. Только теперь это была не та цистерна на колёсиках, которую катил уса́тый мужик в засаленном фартуке, а стационарный автомат, стилизованный под старину. Та же жёлтая окраска, та же надпись «Квас» по трафарету, но внутри — автоматическая система охлаждения, гигиенический разлив и приём оплаты.

За автоматом стояла пожилая женщина в синем халате и белой косынке — следила за чистотой, подавала стаканы, общалась с покупателями. Очередь была небольшая — трое мужчин, судя по виду, рабочие из соседнего ЖЭКа, и девушка с собакой.

Алексей встал в очередь. Когда подошла его очередь, он кивнул женщине:

— Два стакана, пожалуйста.

— Больших или малых?

— Больших. С собой.

Женщина ловко подставила два плотных бумажных стакана под носик автомата, нажала кнопку. Насыщенная, тёмно-коричневая жидкость с шипением наполнила их. Мелкие пузырьки газа заплескали на поверхности, защекотали в носу. Алексей взял стаканы, отошёл в сторонку и сделал первый глоток.

Вкус был именно тот, что нужно. Кисло-сладкий, освежающий, с лёгкой хлебной ноткой. Холодный настолько, что заломило в висках. Квас был настоящий, живого брожения, а не тот газированный концентрат, который пытались выдавать за квас в лихие времена.

Он допил один стакан, второй решил взять с собой — благо, до дома было рукой подать. Пашка, когда проснётся, оценит.

Дома сын уже встал, сидел на кухне в трусах и футболке и ковырялся в планшете.

— Держи, — Алексей поставил перед ним стакан с квасом и плюшку. — Завтрак чемпиона.

— Ого, спасибо! — Павел с готовностью вцепился в плюшку. — А ты разве не на работе?

— На работе. Зашёл хлеб оставить и тебя проверить. Какие планы на день?

— Мы с Денисом хотели в парк Горького поехать. Там сегодня выставка робототехники в павильоне «Юный техник».

— Езжайте. Только чтобы в шесть вечера был дома. Мать с дежурства вернётся — волноваться будет.

— Хорошо, па.

Алексей ещё раз глянул на сына — лохматый, счастливый, с крошками от плюшки на губах, — и улыбнулся. Ради таких моментов и живём.

Он вышел из дома, на этот раз направившись к трамвайной остановке. В руке — портфель с бумагами, в кармане — браслет «Сириус», в мыслях — предстоящее совещание по казанскому проекту. День обещал быть насыщенным.

Но перед тем как сесть в трамвай, он оглянулся на свой двор, на старые тополя, на бочку с квасом, на булочную, — и вдруг поймал себя на мысли, которая посещала его всё чаще. Вот это всё — и есть счастье. Не абстрактное «светлое будущее», а вот это: тёплый хлеб в бумажном свёртке, холодный квас в бумажном стакане, сын, ждущий дома, и работа, на которую идёшь с удовольствием. Простое, настоящее, осязаемое счастье советского человека.

ГЛАВА 5. СВЯЗЬ ВРЕМЁН

Москва, квартира Снегирёвых, вечер того же вторника

Вечер опустился на Проспект Мира мягко, по-летнему неспешно. Солнце, прежде чем окончательно скрыться за крышами, окрасило небо в такие цвета, какие не всякий художник решился бы смешать на палитре: лимонно-жёлтый у горизонта, выше — нежно-розовый, ещё выше — сиреневый, и, наконец, глубокая, бархатная синева, в которой уже зажглась первая звезда. Воздух остыл до приятных двадцати двух градусов, и в открытую форточку снова потянуло липами, теперь уже с примесью вечерней влажности.

Алексей вернулся из института около семи. Паша уже был дома — как и обещал, в шесть, — и теперь сидел в своей комнате, что-то увлечённо мастерил. Слышно было, как тихо гудит 3D-принтер «Квант-Д» — компактная настольная модель, которую Павлу подарили на четырёхнадцатилетие. Принтер был отечественный, производства новосибирского завода «Сибприбор», и работал с биоразлагаемым пластиком на основе кукурузного крахмала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.